

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В РАЗНЫХ ВИДАХ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И.А. Самохина

Военная академия воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова, г. Тверь

В статье рассматривается герменевтическая параметрическая модель определения смыслообразующего потенциала культурно-исторических реалий на основе куба Гилфорда и ее практическое применение на примере анализа переводов безэквивалентной лексики в художественном тексте.

Ключевые слова: культурно-исторические реалии, смыслообразующий потенциал, переводческая деятельность

С точки зрения филологической герменевтики понимание текста происходит на трех уровнях – уровне значений (семантизирующее понимание), уровне содержания (когнитивное понимание) и на уровне смыслов (распредмечивающее понимание) [Богин, 2009]. Кроме того, все культурно-исторические реалии (КИР) могут типологизироваться в плоскости пары языков по локальному признаку – внутренняя (своя для языка оригинала или своя для языка перевода) и внешняя (чужая для обоих из них). По хронологическому параметру культурно-исторические реалии разделяются на исторические и современные.

Таким образом, было выявлено три параметра, релевантных для рассмотрения реалий в системе художественного текста. Соединив эти параметры на основе куба Гилфорда была построена следующая модель интерпретационного потенциала реалии (см. рис. 1). Данная модель содержит в себе 18 компонентов («сегментов») и позволяет детально рассмотреть культурно-исторические реалии в системе содержательности художественного текста с целью определения их функции в нем для последующей адекватной передачи их в переводе.

Все компоненты модели пронумерованы в соответствии с их положением в ней, а каждый компонент имеет собственное название, сочетающее три вышеописанных критерия: локальный и хронологический критерии и тип понимания, для которого релевантна данная КИР. Для удобства работы с моделью, критерий «внутренняя реалия, своя для языка оригинала» обозначен как «внутренняя 1», а критерий «внутренняя реалия, чужая для языка оригинала» как «внутренняя 2».

При этом типы понимания в этой модели соотносятся соответственно с понятиями «значение», «содержание», «смысл». При семантизирующем понимании реципиент (переводчик) выявляет значение реалии, что представляется в большинстве случаев необходимым, так как, во-первых, имея дело с текстом чужой культуры, гарантировать знание значений всех без исключения реалий невозможно, а во-вторых, транслируя, например, чужую для пары вовлечённых языков историческую реалию, семантизировать ее гораздо сложнее.

Кроме того, как уже указывалось выше, значения представляют собой необходимую базу для освоения содержания художественного текста, то есть, для

того, чтобы перейти к когнитивному пониманию этого текста, необходимо семантизировать все непонятые значения.

Без такого понимания выход на когнитивный тип понимания невозможен. Семантизация реалий напрямую связана с определением их функций в системе содержаний художественного текста.

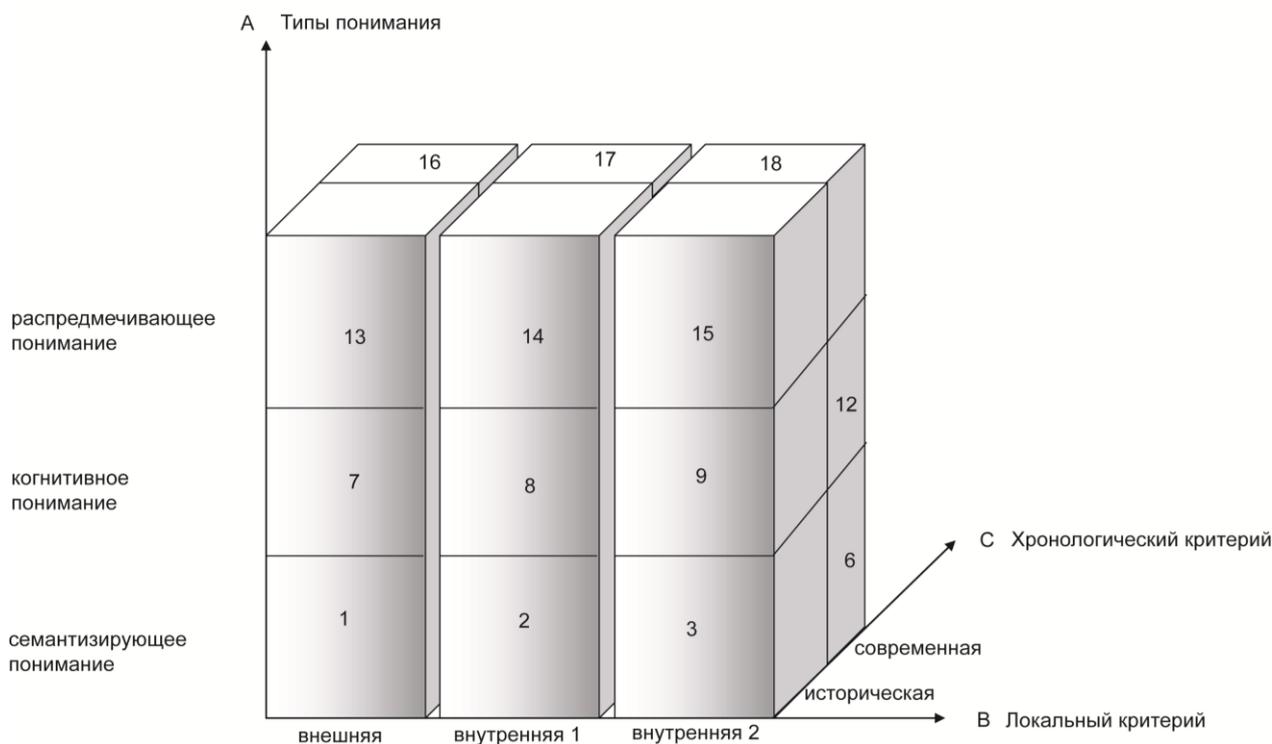

Рис. 1. Герменевтическая параметрическая модель интерпретационного потенциала культурно-исторической реалии.

При этом без знания значения невозможно адекватно определить способ перевода такой реалии. При освоении содержания текста, элементом которого является реалия, данные критерии позволяют реципиенту определить функциональную реализацию этого средства текстопостроения и соотнести содержание с «возможными мирами» [Эко, 2006: 58] в рамках упорядоченных «предикаций в цепях пропозициональных структур» [Богин, 2009]. Так, например, рефлексировав над реалиями на этом уровне, мы можем не только определить эпоху, время или место действия разворачивающегося сюжета, но и освоить некоторые этнокультурные особенности языка оригинала, включая коннотативные, эмоциональные и стилистические оттенки, необходимые в дальнейшем для освоения смыслов художественного текста.

При распредмечивающем понимании мы имеем дело с шестеркой реалий, функционирующих в системе смыслов художественного текста. Предварительно семантизивровав незнакомую реалию, отнеся ее к той или иной группе по семантическому значению, затем определив ее место и функцию в системе со-

держаний, важно определить её функцию в системе смыслов, а затем подобрать адекватный переводческий приём для её трансляции в ПЯ с учетом всех ее особенностей, связей и отношений с другими элементами текста.

Таким образом, «протаскивание» [Галеева, 1997] смыслообразующих реалий через данную модель позволяет определить не только их функцию, но и наиболее адекватный способ их перевода с сохранением или компенсацией их функций в системе содержательности художественного текста, понимаемой как совокупность его содержания и смыслов.

Работа с моделью начинается с определения характеристик КИР, предлагающихся для перевода. Каждая обладающая смыслообразующим потенциалом КИР оригинала художественного текста рассматривается по хронологическому и локальному параметрам. Переводчик определяет, к какому из шести компонентов эта КИР принадлежит, будет ли она исторической и чужой для обоих языков, современной и внутренней для пары языков, при этом своей для ИЯ или ПЯ и т.п. Поскольку целью переводчика является постараться «сказать почти то же самое» [Эко, 2006] в переводе, то данная модель позволяет после определения параметров смыслообразующей КИР и принадлежности ее к тому или иному сегменту на этом основании определить наиболее адекватный способ её трансляции. При этом в переводе художественного текста КИР в идеальном случае должна принадлежать к тому же сегменту, что и в оригинале. Однако это не всегда возможно, поскольку КИР относятся к безэквивалентной лексике и не имеют аналогов в ПЯ. В этом случае переводчик может обращаться к локальным и хронологическим параметрами КИР и предлагать замену архаизма или историзма на современную реалию, заменять свою на чужую и т.п. Главным условием при поиске способа перевода является установка на сохранность её (КИР) смысловой нагрузки. Переводчику следует быть внимательным при таких заменах, поскольку при использовании современных реалий вместо исторических, или своих вместо чужих может произойти искажение как содержания, так и смысла художественного текста.

В качестве примера предлагается рассмотреть дробь текста из автобиографического произведения В.В. Набокова «Другие берега», ан-глийского авторского перевода «Speak, Memory: an Autobiography Re-visited» и неавторизованного перевода «Память, говори: К вопросу об автобиографии», выполненного С. Ильиным.

Оригинал:

«Бэрнес был крупного сложения, светлоглазый шотландец с прямыми жёлтыми волосами и с лицом цвета сырой ветчины. По утрам он преподавал в какой-то школе, а на остальное время набирал больше частных уроков, чем день мог вместить. При переезде с одного конца города в другой, он всецело зависел от несчастных, шлёпающих рысцой ванек, и хорошо если попадал на первый урок с опозданием в четверть часа, а на второй опаздывал вдвое; к четырёхчасовому он добирался уже около половины шестого» [Набоков, 1989: 27].

Английский авторский перевод:

«Mr. Burness was a large Scotsman with a florid face, light-blue eyes and lank, straw-colored hair. He spent his mornings teaching at a language school and then crammed into the afternoon more private lessons than the day could well hold. Traveling, as he did, from one part of the town to another and having to depend on the torpid trot of dejected izvozchik (cab) horses to get him to his pupils, he would be, with luck, only a quarter of an hour late for his two o'clock lesson (wherever it was), but would arrive after five for his four o'clock one» [Nabokov, 1989: 76].

Русский неавторизованный перевод:

«Мистер Бэрнес был крупного сложения, светлоглазый шотландец с прямыми соломенными волосами и красным лицом. По утрам он преподавал в языковой школе, а на остальное время набирал больше частных уроков, чем день мог вместить. При переезде с одного конца города на другой он всецело зависел от шлёпающих шаткой рысцой извозщицких кляч, доставлявших его к ученикам, и хорошо, если попадал на двухчасовой урок (куда бы ради него ни приходилось тащиться) с опозданием в четверть часа, а к четырёхчасовому добирался уже в шестом часу» [Ильин, <http>].

При интерпретации оригинальной дроби текста был выявлен метасмысл, который можно номинировать как «бессмысленная суетность бытия», и одним из средств выхода на который является метонимия «ванька», а точнее, словосочетание «несчастные ваньки». Историзм «ванька» – пренебрежительное название извозчика с плохой лошадей-клячей и бедной упряжью, как правило, приехавшего из деревни на зиму подработать извозом в большом городе. Это целый социальный класс. Его жизнь беспросветна и бессмысленна, как и жизнь этого вечно опаздывающего, предпринимающего тщетные усилия для достижения какой-то мелкой цели, неустроенного и неприкаянного, равнодушного к своей работе человека.

В английском варианте В. Набоков заменяет реалию «ванька» словосочетанием, содержащим транслитерированный и выделенный курсивом историзм «извозчик» – «izvozchik horses», давая пояснительный комментарий в скобках (cab), частично сохраняя в переводе опредмеченный в оригинале метасмысл. При этом смыслообразующая метонимия в переводе не используется, и вместо неё автор обращается к гиперонимической замене, выполняющей полифоническую функцию (вводит голос персонажа), и дополняет ее авторским комментарием к тексту. В данном случае выделенный авторским курсивом нейтральный историзм «izvozchik» – это слово из словаря шотландца Бэрнеса, а авторское пояснение «cab» предлагается уже для реципиента. Налицо попытка автора «остранить» перевод и дать возможность англоязычному реципиенту приблизиться к русскому быту начала XX века. Способствует пониманию смысла и словосочетание «dejected horses» с точки зрения своего лексического значения. В русском языке слово «лошадь» связано обычно с тяжёлым трудом – «работать как лошадь», «ломовая лошадь», «загнанная лошадь», «весь в мыле» (как лошадь). И Бэрнес, и «ваньки» действительно работают много и тяжело, чтобы свести концы с концами. Замена метонимии «ванька» более нейтраль-

ным словосочетанием, тем не менее, несколько ослабляет возможность рефлексии реципиента, так как именно «ванька» предполагает наличие у извозчика не просто лошади, а именно клячи. Как вариант, можно было бы предложить компенсировать смыслообразующую функцию данной реалии в тексте перевода английским архаизмом «hask», подразумевающим наёмный экипаж и имеющим одним из значений «кляча» [Hornby, 2010: 695].

После набоковского перевода этого произведения на английский язык была предпринята еще одна попытка его перевода на русский С. Ильиным. При интерпретации была выявлена тенденция переводчика сохранить по возможности все средства, используемые автором в английском варианте произведения, включая аллитерацию («torpid trot of dejected...horses»), которую переводчик даже несколько усилил: «...шлёпающих шаткой рысцой извозщичьих кляч...», «...тащиться...». Орфография прилагательного «извозщичьих» при этом является авторской и нарушает правила русского языка, но, вероятно, используется переводчиком нарочито – для эксплицированного использования звука «щ». В русском оригинале эта аллитерация выражена гораздо меньшим количеством выделенных звуков – «...всецело зависел от несчастных, шлёпающих рысцой...», чем в этом варианте перевода. Интересен тот факт, что в своем автобиографическом романе В.Набоков признается, что он «наделен в редкой мере так называемой *audition coloree* – цветным слухом... Любопытно, что большей частью русская, инакописная, но идентичная по звуку, буква отличается тускловатым тоном по сравнению с латинской.» [Набоков, 2006: 9]. Для Набокова «группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ.» «Ц» для него входит в синюю группу спектра и является «жестяным», «С» – «влажно-голубым», а «Х» напоминает «сухую булку» [там же]. Эти звуки используются в выделенной фразе русского оригинала и также являются смыслообразующим средством. Что касается окраски английских звуков для В. Набокова, то он описывает свои ощущения от них следующим образом: «Adjacent tints do not merge, and diphthongs do not have special colors of their own, unless represented by a single character in some other languages (thus the fluffy-gray, three-stemmed Russian letter that stands for sh, a letter as old as the rushes of the Nile, influences its English representation... In the green group, there are alder-leaf f, the unripe apple of p, and pistachio t... The yellows comprise...creamy d...» [цит. раб.: 31]. В этом аспекте английский авторский перевод произведения включает в себя аллитерацию не как смыслообразующее, а как формальное средство текста. С другой стороны, перевод С. Ильина как раз усиливает смыслообразующую функцию аллитерации.

В качестве лексических средств переводчик использовал слова «кляча» и «тащиться», что также помогает реципиенту выйти на метасмысл «бессмысленная суетность бытия». С другой стороны, «ванька» и «izvozchik (cab) horses» были заменены переводным словосочетанием «извозщицьи клячи», что передает смысл, опредмеченный в этой дроби текста, но, по сравнению с оригинальным текстом, ослабляет возможность рефлексии, поскольку является более эксплицированным, как и в английском переводе. Тем не менее, в данном слу-

чае мы можем говорить об удачной попытке переводчика компенсировать потерю смыслообразующего лексического средства, поскольку использованные им средства способствуют пробуждению рефлексии у реципиента.

Таким образом, в оригинале этой дроби текста КИР «ванька», обладающая смыслообразующим потенциалом, относится к сегменту 14 параметрической модели (распредмечивающее понимание, своя для ИЯ, историческая). При переводе этот потенциал ослаблен и более эксплицирован, что даёт право поместить КИР обоих переводов в модели ниже оригинальной функционально значимой лексической единицы (см. рис. 2).

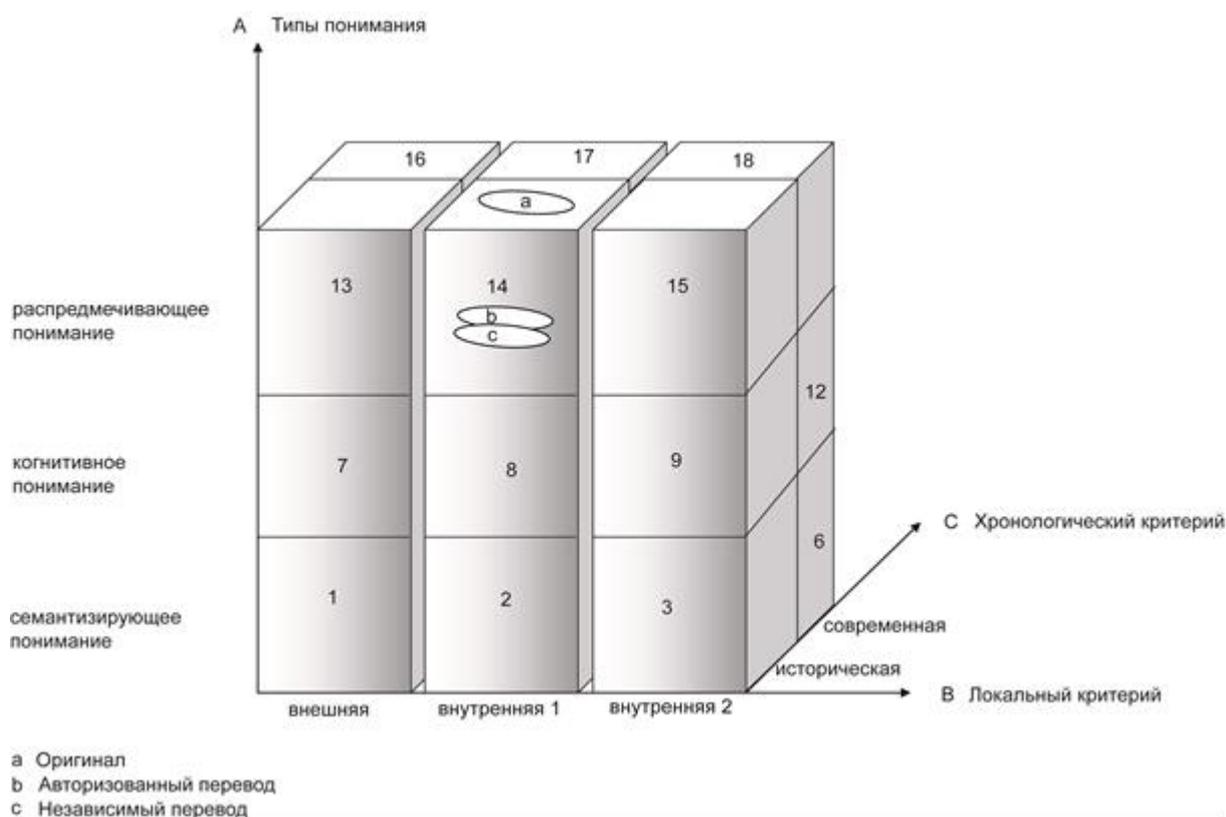

Рис. 2. Распределение переводов КИР «ванька» по сегментам модели интерпретационного потенциала.

Так, на примере некоторых переводческих решений мы показали, как работают КИР в системе содержательности художественного текста и как происходит анализ их функциональных особенностей в оригинале и различных видах перевода художественного текста на основе модели их интерпретационного потенциала КИР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать. Работы разных лет : в 2 т. // Г.И. Богин ; редкол.: Н. Ф. Крюкова (отв. ред.) [и др.]. Тверь : ТвГУ, 2009. Т. 1 : Филологическая герменевтика, 2009 (1982). 152 с.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать. Работы разных лет : в 2 т. // Г.И. Богин ; редкол.: Н. Ф. Крюкова (отв. ред.) [и др.]. Тверь : ТвГУ, 2009. Т. 2 : Языковая личность как педагогическая проблема, 2009 (1982). 256 с.
3. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода // Н.Л. Галеева : Тверь, 1997. 80 с.
4. Набоков В. В. Память, говори: К вопросу об автобиографии [Электронный ресурс] // Владимир Набоков ; пер. с англ. С. Ильина. Нью-Йорк, 1967.
5. Набоков В. Другие берега. Автобиография, рассказы, стихотворения // В. Набоков. Спб. : Азбука–классика, 2006. 225 с.
6. Набоков В.В. Убедительное доказательство. Последняя глава из книги воспоминаний // В.В. Набоков ; пер. с англ. С. Ильина. М. : Иностранная литература, 1999. № 12. С. 136–145.
7. Эко У. Опыты о переводе. Сказать почти то же самое // У. Эко ; пер. с итал. А. Н. Коваля. СПб. : Симпозиум, 2006. 574 с.
8. Nabokov, V. Speak, Memory: an Autobiography Revisited // V. Nabokov. New-York : Vintage International, 1989. 336 p.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A. S. Hornby. Oxford : Oxford University Press, 2010. 1980 p.